

Материал из книги "Заметки на Тропах. Самый душевный НЕпутеводитель по самой огромной в мире стране"

Сто тысяч квадратных километров — много это или мало? Столько площади занимают, к примеру, Исландия или Южная Корея.

Однажды бог изгнал шайтана из рая. Шайтан был так зол, что, пролетая над огромным безжизненным пространством, плюнул на землю. Там, куда попали брызги, образовались горько-солёные озёра. А там, куда упали слёзы его раскаяния, появились озёра пресные. Это одна из легенд о Кулундинской степи.

Огромная, бескрайняя равнина площадью в те самые сто тысяч квадратных километров. Почти лишённая жизни вплоть до начала прошлого века. Кулундинская степь залегает в междуречье Оби и Иртыша, смыкается с предгорьями Алтая и таинственными Васюганскими болотами. Большая часть её относится к Алтайскому краю. Необычное название происходит из тюркских языков: место, где водятся куланы, парнокопытные животные, ныне в этих местах уже не обитающие. Сегодня через степь протекает государственная граница. Часть Кулундинской равнины принадлежит России, часть — Казахстану. Это важный сельскохозяйственный район: значительная часть пространства занята посевами. Но было так не всегда.

К концу XIX века Российская империя столкнулась с серьёзной проблемой — малоземельем. После отмены крепостного права земля осталась в руках помещиков, а крестьяне могли выкупить земельный надел только через государственный заём на 49 лет. Позволить себе такое могли далеко не все. Население чернозёмных губерний увеличивалось, и земли на всех решительно не хватало. Непростой вызов для страны с аграрной экономикой.

Но много земли было за Уралом. Неосвоенной, необузданной, дикой целины. Министр внутренних дел, реформатор Пётр Аркадьевич Столыпин в своей аграрной реформе предусмотрел механизм массового переселения крестьян в Сибирь. Он мечтал о создании слоя мелких землевладельцев или, как бы мы сказали сегодня, фермеров. Кто ещё мотивирован больше, чем человек, работающий на себя на своей земле? Будут люди — будет и другое: города и деревни, дороги. Жизнь.

Конечно, переселенцам приходилось нелегко. Государство давало некоторую сумму в качестве подъёмных, но не все могли позволить себе выкуп достаточного количества земли, большая часть из которых принадлежала казне. Многие семьи обеднели и вынуждены были наниматься на работу к своим более успешным односельчанам. Некоторые вернулись обратно. А иные просто пропали безвестно где-то на просторах бескрайних степей.

Климат Кулундинской степи непростой. Долгими суровыми зимами дуют сильные ветра. Ветер — неизменный хозяин этих мест. Морозы за тридцать градусов и ниже — не редкость. Зима затяжная, кажущаяся иногда почти бесконечной. Весной снега уходят в чёрную землю, солнце становится горячее, и наступает такое короткое золотое время: весна, расцвет жизни. Степь покрывается ярко-зелёными ростками и распускается луговыми цветами.

Но время это недолгое. Солнце становится обжигающе-невыносимым, трава жёлтой и острой. Дуют иссушающие раскалённые ветра. Лето в степи не менее сурово, чем зима. К осени земля начинает остывать, и скоро острые пики выжженной травы накрывает первым снегом. Круг начинается сначала.

Местность засушливая. Летом дожди большая редкость, зато часты пыльные бури. Набегают чёрные тучи, из которых едва упадёт несколько капель воды. Только ветер беснуется по степи, поднимая в воздух песок и пыль. Но где-то глубоко под землёй подобно золотым жилам протекают реки чистейших ледяных грунтовых вод. Только вот добраться до них — ой, как нелегко. Приходится пробивать глубокие скважины. Сегодня все населённые пункты Кулундинской степи живут на подземных водах.

Земледелие в таких краях непростое даже в современных условиях. А что говорить о начале прошлого века, когда труд был ручным? Переселенцам пришлось тяжело. Жизнь возникала по берегам редких пресных озёр. Земли для посевов приходилось отвоёвывать буквально по сантиметру. Кто видел хотя бы однажды, как плотно степная трава оплетает корнями землю и сплетается прочным ковром? Но целина есть целина. И земля родила.

Уже в 1910 году сам Пётр Аркадьевич Столыпин побывал здесь, чтобы своими глазами увидеть жизнь поселенцев, новые города и сёла.

А спустя четыре года началось строительство железнодорожной ветки, что должна была связать новый город Славгород с основной Транссибирской магистралью. Первые доверху гружёные зерном поезда пошли по рельсам в 1916 году.

Как бы там ни было, планам великого реформатора Столыпина не суждено было сбыться до конца. В 1914 году Россия вступила в Первую мировую войну, и будущее пошло по совсем иному сценарию. Впрочем, это уже другая история.

Степь пережила многое. Падение огромной империи, Гражданскую войну, возникновение и распад Советского государства. Росли города и сёла, основанные столыпинскими переселенцами. Очень многие жители Кулундинской равнины и всей Сибири — их прямые потомки. Но слышать приходится об этом нечасто. Слишком много бурных и драматических событий случилось с нашей страной в первую половину прошлого века. И несколько лет переселения будто бы немного затерялись на фоне всех эпохальных событий и больших тектонических сдвигов.

Со временем степь не только осталась аграрным краем, но и стала центром притяжения туризма. Например, на берегу солёного озера Большое Яровое образовалась довольно большая и популярная курортная зона. Здесь расположен один из крупнейших за Уралом аквапарков, несколько пляжей, отели, рестораны и прочая туристическая инфраструктура. Курорт Яровое популярен настолько, что здесь можно встретить гостей даже из столицы.

Степь живёт дальше, какой-то новой, но в то же время по-прежнему древней жизнью.

Именно здесь, в городе Славгороде, я появилась на свет. Бок о бок со степью мы провели семнадцать лет. После окончания школы я поступила на исторический факультет университета в Омске и обрела новый дом. Но каждый год я возвращаюсь снова, с новой группой туристов. Степь – это судьба. Как-то я проходила один психологический курс. Там было задание во время медитации: мысленно перенестись в место, где ощущаешь себя по-настоящему комфортно. Где можно быть собой тотально и до конца. Мне не было сложно. Я всегда здесь какой-то частью своего сердца, весомой частью.

Благодаря степи я знаю, что пустота исцеляет. В ней нет и не может быть глянца и масок. Ты смотришь в пустоту. Пустота смотрит в тебя. И в этот момент рождается что-то важное, что не описать словами. И что долгие годы мелькает где-то в глубине твоих глаз. Самые ценные дары из возможных. Кажется, я научилась любить пустоту раньше, чем твёрдо ходить.

Сибирская степь своенравна, но до предела честна. И да, во многом у меня её характер. Столь же упрямый и, чего уж скрывать, столь же непростой.

Когда солнце опускается от зенита к горизонту более чем наполовину, воздух становится мягче. Свет перестаёт испепелять, а земля начинает отдавать вверх накопленный за день жар.

В это время из своего дома выходит пожилой казах в тюбетейке. Неспешно присаживаясь на низкую лавку, он укладывает ладони на ручку трости и устремляет глаза к солнцу. Его лицо выглядит серьёзным и сосредоточенным, словно он занят каким-то по-настоящему важным и ответственным делом.

Если обогнуть слева крохотное деревенское кладбище, попадаешь на порядком заросшую полевую дорогу. Жёсткая как бритва степная трава шуршит о бампер машины, из-под колёс вылетают полчища разноцветных стрекоз.

Любая дорога, если она есть, рано или поздно приведёт тебя куда-то. Глаза и навигатор могут обманывать, но это правило - никогда. Высокие заросли выжженной дожелта травы сменяются голой землёй с белыми пятнами. Так наверх проступает соль.

Берег просторный и пологий. Ветер нещадно треплет волосы и одежду, срывает слова с губ и тут же уносит их прочь. Здесь всегда ветрено, но на поверхности озера видна лишь мелкая рябь: вода слишком солёная и плотная. Солнечные лучи, зеркальная водная гладь и бесконечная синева неба с редкими белоснежными облаками создают невероятную игру света, наблюдать за которой можно бесконечно. В степи земля и небо соединяются так близко и прочно, как это невозможно больше нигде и никогда. Оводы, обманываясь, садятся на горячий от работы двигателя капот.

Деревня в одну улицу, жизнь теплится лишь в нескольких домах. Другие смотрят на мир пустыми окнами, от некоторых остался лишь фундамент. И только новенький блестящий ярко-синий таксофон выглядит здесь пришельцем из другого мира. Похоже, его не касался никто и никогда.

Скоро солнце опустится за горизонт. Настанут сумерки, обещающие недолгую передышку от бесконечного зноя. Опустеет низкая лавка у старого дома. До завтрашнего вечера.

Когда мир кажется слишком зыбким и неустойчивым, бывает так важно знать: очень далеко в степи есть кто-то, кто каждый вечер - несмотря ни на что - долго и пристально смотрит на закат.

Июнь 2020 года